

УДК 343.8

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).2.119-127

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ СЕЛИВЕРСТОВ,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: office@law.msu.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ, КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА

Для цитирования

Селиверстов, В. И. Уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные исследования и их отражение в Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года / В. И. Селиверстов // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 2. – С. 119–127. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).2.119-127.

Аннотация. В статье анализируется необходимость проведения уголовно-правовых, криминологических и уголовно-исполнительных исследований накануне принятия новой Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года. Обосновывается тезис о возможности включения научных исследований в содержание документа. Приводятся примеры проведения исследований современных и актуальных проблем исполнения уголовных наказаний, осуществленных как ведомственными, так и иными образовательными и научно-исследовательскими организациями. Речь идет о специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей; необходимости отслеживания процесса социального расслоения осужденных в местах лишения свободы; об исследовании постпенитенциарного рецидива и о включении его показателей в систему государственного статистического учета; об обобщении опыта общественно-государственного партнерства в сфере ресоциализации лиц, освобожденных от отбывания наказания. Анализируются также некоторые особенности расходования осужденными к лишению свободы денег на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости. Подводятся отдельные итоги реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года в аспекте принятия новой Концепции. Кроме того, обосновывается

© Селиверстов В. И., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

роль и значение учета постпенитенциарного рецидива как ключевого критерия исправления осужденных.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, осужденный, уголовное наказание, лишение свободы, научные исследования, перепись осужденных, ресоциализация, постпенитенциарный рецидив, социальное расслоение осужденных.

Развитие уголовно-исполнительной системы (УИС) определяется рядом экономических, политических, социальных и духовных факторов. В числе социальных факторов традиционно выделяют состояние науки, заключающееся в возможности и способности ученых прогнозировать вызовы УИС, предлагать и обосновывать грядущие преобразования. Прогностическая и преобразовательная роль науки должна проявиться в связи с окончанием действия Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года и принятием решения о подготовке новой Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Концепция 20–30). Сразу же возникла научная дискуссия о предмете и содержании будущей концепции, названии и принципах ее разработки, субъектах принятия и субъектах реализации и т. д. [1. с. 545–549; 2. с. 210–214].

Так, имеется позиция об ограничении предмета Концепции 20–30 лишь организационно-ресурсными потребностями УИС, не затрагивая в данном документе вопросы уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики. Тогда она будет в полной мере отвечать своему названию – концепция развития УИС. Другая позиция выражена в изменении подхода к предмету Концепции 20–30, порядку его разработки и принятия. В итоге обосновывается необходимость разработки общей концепции уголовной политики государства, включающей в себя и вопросы развития системы исполнения уголовных наказаний, их назначения и исполнения. Как вариант предлагается разработка двух концепций – концепции уголовно-правовой политики и концепции уголовно-исполнительной политики Российской Федерации.

Однако реалии правовой политики в РФ свидетельствуют о том, что в итоге будущий концептуальный документ сохранит общие черты с действующей Концепцией, а именно будет предлагать решение вопросов и уголовной политики (например, сокращение применения лишения свободы), и уголовно-исполнительной политики (например, гуманизация условий отбывания лишения свободы), и организационно-ресурсных проблем (в частности, улучшение положения персонала, сокращение дефицита кадров, обеспечение трудовой занятости осужденных, обеспечение средствами связи и охраны и т. п.). Кроме того, традиционно предмет будущей концепции будет размыт за счет предложений о решении несомненно злободневных вопросов деятельности УИС, но не относящихся в исполнению уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера (например, применение мер пресечения в виде содержания под стражей и домашнего ареста). В связи с этим перед наукой криминального цикла стоит задача предложить и обосновать те актуальные решения, которые могли бы войти в разрабатываемую Концепцию 20–30. Эти решения должны быть основаны на результатах научных исследований в области уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права и других отраслей права. Имеется достаточно примеров проведения исследований проблем исполнения уголовных наказаний, осуществленных как ведомственными, так и иными образовательными и научно-исследовательскими организациями. В их числе можно отметить научно-теоретические разработки Общей части нового Уголовно-исполни-

тельного кодекса РФ [3], проекта нового Уголовного кодекса РФ [4], Модели отбывания лишения свободы осужденными за экономические и (или) должностные преступления [5], Дорожной карты ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него [6], и др. Интересные предложения по изменению политики и законодательства содержатся в докторских исследованиях последних лет, посвященных освобождению от отбывания наказания (И. А. Ефремова), поощрительным институтам уголовно-исполнительного права (С. Л. Бабаян), факторам уголовно-исполнительной политики (Ф. В. Грушин), европейским пенитенциарным системам (П. В. Тепляшин). Кроме того, проведение актуальных научных исследований может и должно войти в само содержание Концепции 20–30. О каких же научных исследованиях идет речь?

На первом месте следует отметить целесообразность проведения очередной девятой специальной переписи осужденных, отбывающих лишение свободы, и лиц, содержащихся в следственных изоляторах России. За время проведения переписей (начиная с 1970 г.) накопился богатый исследовательский материал, характеризующий социально-демографическую, уголовно-правовую, уголовно-исполнительную и криминологическую характеристики осужденных. Причем эти характеристики даны как в статике, так и в динамике, поскольку специальная перепись проводилась через строго определенный временной интервал, как правило, через десять лет. Полученные в результате переписи данные обладают большей достоверностью, поскольку по сравнению со статистическими данными результаты переписи не влияют на оценку деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, а значит, и на местах не возникает соблазна их «приукрасить».

Очередная перепись должна состояться 19 ноября 2019 г. и дать богатый исследовательский материал для науки всего криминального цикла. Эта информация как раз была бы кстати для подготовки нового концептуального документа, однако, как следует из ответа ФСИН России на запрос юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, в Федеральной службе исполнения наказаний в 2019 г. не запланировано проведение девятой специальной переписи осужденных. В этом же ответе констатировано, что вся необходимая информация об осужденных имеется в распоряжении ФСИН России и может быть предоставлена научным коллективам и ученым. Имеются большие сомнения в том, что та информация, которая становится доступной для научного анализа и принятия решений в результате проведения специальных переписей, имеется в распоряжении ФСИН России. В силу этого целесообразно в будущей Концепции 20–30 указать на необходимость продолжения применения этого научного метода изучения личности осужденного.

О значении результатов специальной переписи для реагирования на вызовы УИС в предстоящее десятилетие можно судить по проблеме возрастающего в своих диспропорциях социального расслоения осужденных, отбывающих лишение свободы. В основе такого расслоения лежит различие в уровне доходов осужденных и соответственно в их материальном обеспечении. Дело в том, что нормы уголовно-исполнительного законодательства гарантируют всем осужденным минимальный государственный стандарт материального благополучия, выраженный в нормах питания, вещевого довольствия, а также коммунально-бытового обеспечения. При этом нормы питания дифференцированы в зависимости от возраста, состояния здоровья, а нормы вещевого довольствия и коммунально-бытового обеспечения еще дополнительно различаются от пола и местности, где осужденный отбывает наказание. Часть осужденных, имеющих такие

материальные возможности, возмещает стоимость предоставляемых услуг (питания, одежды, коммунально-бытового обеспечения), другим эти блага предоставляются бесплатно либо в долг, который при освобождении из мест лишения свободы списывается.

Однако наряду с государственным стандартом законодатель гарантирует осужденным дополнительные материальные блага путем получения посылок и передач, возможности приобретения продуктов питания и предметов первой необходимости в магазинах исправительных учреждений. Специальная перепись осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 2009 г. зафиксировала то, что этими дополнительными возможностями осужденные пользуются неравномерно. Так, было установлено, что почти каждый пятый (18,4 %) осужденный мужчина, отбывающий лишение свободы, вообще не получал посылок и передач, 20,8 % – только одну, а 22,6 % – две посылки (передачи) в течение года [7, с. 345]. На лицевом счету большинства осужденных (57,4 %) на момент переписи вообще не было денежных средств, а у 15,8 % – было до 200 рублей [7, с. 345].

Каково положение через 10 лет, накануне принятия новой концепции развития УИС? Для ответа на этот вопрос необходимо проведение очередной девятой специальной переписи осужденных. Отслеживать такое соотношение нужно, поскольку различие в материальном положении осужденных вызывает острую реакцию как среди осужденных, так и в обществе. Достаточно вспомнить реакцию средств массовой информации и граждан на вскрывшееся привилегированное положение активного члена Куцевской группировки в одной из колоний Приморского края. В качестве примера можно указать на развернувшуюся в ноябре 2018 г. в средствах массовой информации полемику об условиях отбывания наказания одного из участников преступного сообщества, орудовавшего в станице Куцевская Краснодарского края. Одни (большинство) увидели в возможности осужденного Ц. есть в исправительной колонии строгого режима красную икру, крабов и шашлыки вопиющую несправедливость, другие (меньшинство) – нормальный ход реформы уголовно-исполнительной системы, ее направленность на обеспечение гуманных условий отбывания лишения свободы [8, 9]. В этом аспекте следует и оценивать различные предложения о дальнейшей гуманизации условий отбывания лишения свободы в сфере материально-бытового обеспечения осужденных, в частности, о снятии ограничений на получение осужденными посылок и передач, на расходование средств на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости. Сейчас есть такие категории осужденных, которые имеют возможности для получения посылок и расходования денег без ограничения количества и сумм. Однако давайте проанализируем эти показатели применительно к питанию осужденных, отбывающих наказание в наиболее распространенном виде исправительного учреждения – колонии строгого режима в обычных условиях отбывания наказания.

Возьмем крайние состояния, когда осужденный не имеет денег на лицевом счете и не получает посылок и когда осужденный имеет такие средства и реализует право на дополнительное питание в полном объеме. При этом возможность расходования заработанных в исправительной колонии средств в обоих случаях оставим за скобками, так как не все осужденные имеют возможность трудиться.

Применительно к осужденному, не имеющему денег на лицевом счете и не получающему посылок и передач, за основу возьмем сумму в 72 рубля в день, которую государство тратит на его питание [10]. Тогда осужденный, имеющий средства на лицевом счете, помимо этих 72 рублей имеет возможность приобрести в магазине дополнительно продуктов питания на сумму 7800 рублей в месяц (п. «а» ч. 1 ст. 123 УИК РФ) или 260 рублей в день (7800 рублей : 30 дней). Осужденным на обычных условиях исправи-

тельной колонии строгого режима в год разрешено получение 4 передач или посылок. В настоящее время посылки или передачи принимаются исправительными учреждениями весом до 20 кг, хотя согласно произошедшим еще в 2012 г. изменениям почтовых правил вес одной посылки может достигать 50 кг. Исходя из расчета в 20 кг, при условии, что в посылке или передаче присутствуют в основном продукты питания, стоимость которых условно составляет в среднем 300 рублей за килограмм, можно рассчитать денежный эквивалент на один день, учитывая, что осужденному в обычных условиях строгого режима полагается получение четырех посылок или передач в год (п. «в» ч. 1 ст. 123 УИК РФ). В итоге получается, что один осужденный («бедный») питается в день на 72 р., другой («обеспеченный») – на 397 р. 75 к. Это более чем в 4 раза больше. Не вдаваясь в полемику о том, что и та (72 р.) и другая (397 р. 75 к.) цифры чрезвычайно малы, для нас важна сама тенденция. Уголовно-исполнительное законодательство допускает фактическую дифференциацию осужденных в зависимости от уровня их материального состояния. Эта дифференциация особенно усилилась после повышения Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 260-ФЗ норм расходования денег на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости [11] и приняла несколько гипертрофированный характер, когда сняли любые ограничения в расходовании денежных средств для осужденных, отбывающих лишение свободы в облегченных условиях в исправительных колониях общего режима, в количестве получаемых посылок и передач осужденными женщинами и несовершеннолетними. Иными словами, законодатель, учитывая трудности экономического порядка и желая сократить государственные расходы на УИС в целом и на питание осужденных в частности, привлекает для этого средства осужденных и их родственников. Однако одновременно углубляется социальное расслоение осужденных в местах лишения свободы. «Бедные» осужденные из мест лишения свободы не исчезли, возможно, их стало меньше или больше (для таких выводов необходимо провести очередную специальную перепись), но они есть. Параметры и последствия такого расслоения необходимо просчитывать и оценивать с позиций обеспечения правопорядка в УИС, реализации цели общего предупреждения преступлений. Их нужно учитывать и с позиций определения темпов и пределов дальнейшей гуманизации условий отбывания лишения свободы. Предпринимаемые гуманистические усилия могут приводить к тому, что эти послабления будут распространяться лишь на «обеспеченных» осужденных, предоставляя для «бедных» осужденных недостижимые ориентиры. Это будет вызывать озлобление и приводить к конфликтам между осужденными, осужденными и персоналом.

В проекте будущей Концепции должно найти отражение проведение исследования постпенитенциарной рецидивной преступности осужденных, освобожденных из мест лишения свободы.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года без достаточных научно обоснованных оснований исходила из неэффективности действующей системы исправительных учреждений. В силу этого в качестве стратегических задач в Концепции были определены ликвидация действующих исправительных колоний и открытие вместо них тюрем общего, усиленного и особого режимов, а также колоний-поселений с обычным и усиленным наблюдением. Лишь в 2015 г. в Концепцию были внесены изменения, которые исходя из экономических факторов исключили переход на тюремное содержание осужденных. Между тем сама проблема перехода на тюремное содержание осужденных не снята с перспективной повестки дня, и она может возникнуть если не в Концепции 20–30, то в концептуальных документах на

последующие десятилетия. Такие фундаментальные для УИС политические решения должны основываться на проверенных данных о неэффективности или, наоборот, об эффективности действующей системы исправительных учреждений, в первую очередь речь идет о степени достижения целей наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ) и целей уголовно-исполнительного законодательства (ч. 1 ст. 1 УИК РФ). Данное положение Концепции не может быть реализовано без научных исследований комплекса проблем, связанных с оценкой эффективности деятельности действующей системы исправительных учреждений по исполнению наказания в виде лишения свободы.

На первом этапе необходима научная разработка критериев и показателей эффективности. Речь идет о таких критериях и показателях, которые характеризовали бы не внутриведомственные успехи и достижения, а вклад уголовно-исполнительной системы в обеспечение правопорядка в стране, защиту прав и законных интересов личности. При решении этой проблемы основным будет являться вопрос об отслеживании на постоянной мониторинговой основе уровня постпенитенциарного рецидива. В настоящее время об уровне рецидива можно косвенно судить по показателям официальной статистики, а именно по доле лиц, ранее совершавших преступления, в расчете на общий массив лиц, совершивших преступление. В среднем этот уровень колеблется от 30 до 33 %. Однако данный показатель не позволяет судить об эффективности деятельности системы исправительных учреждений и (или) ее отдельных звеньев, поскольку не все лица, ранее совершавшие преступления, осуждались к лишению свободы.

Нередко об уровне постпенитенциарного рецидива судят по доле рецидивистов, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Исходя из статистических данных о судимости лиц, отбывающих лишение свободы в исправительных колониях для взрослых, размещенных на официальном сайте ФСИН России, можно высчитать процент лиц, ранее осужденных к лишению свободы и вновь оказавшихся в исправительных колониях. Так, в 2014 г. этот процент составил 55,1, а через пять лет, в 2018 г., – 54,2 %. Однако и по этим показателям нельзя судить об уровне постпенитенциарного рецидива и тем самым об эффективности деятельности исправительных колоний. Дело в том, что доля рецидивистов в местах лишения свободы напрямую зависит от судебной практики. Вследствие ее колебаний может меняться соотношение впервые и повторно осужденных в местах лишения свободы. Постпенитенциарный рецидив измеряется, как правило, в течение трех лет после освобождения осужденных из мест лишения свободы путем отслеживания судьбы каждого осужденного, освобожденного из мест лишения свободы в тот или иной год. Именно по этой методике учеными Томского государственного университета было установлено, что в течение трех лет после освобождения совершают новое преступление в среднем 55,0 % освобожденных их колонии общего режима и 29,6 % – из колонии строгого режима (данные приведены на основе деятельности колоний общего и строгого режимов Томской и Кемеровской областей) [12, с. 8–9]. Общий постпенитенциарный рецидив из этих двух видов режима составил 35 %, что несильно отличается от советского периода функционирования нашего государства, когда рецидив был от 30 до 33 %. На основе этого же исследования выявлены интересные и значимые различия в постпенитенциарном рецидиве в зависимости от вида преступлений, оснований освобождения от отбывания наказания, возраста преступника, его образования, семейного положения и т. д. Так, постпенитенциарный рецидив среди условно-досрочно освобожденных из колонии общего режима составил 68 %, а по отбытии срока наказания в виде лишения свободы этот рецидив равен 47 %, из колонии строгого режима соответственно – 39 и 21 %.

Все это актуализирует реализацию предложений о создании на первом этапе научно-теоретической модели учета постпенитенциарного рецидива с последующей ее апробацией и внедрением в систему статистического учета результатов борьбы с преступностью. Похожая система учета существовала в СССР, нет каких-либо значимых препятствий в том, чтобы эта система на новом уровне была разработана и внедрена в России. Аргументы об отсутствии материальных ресурсов для такой информационной системы, на наш взгляд, являются несерьезными, поскольку никто не рассчитывал данные затраты.

На втором этапе необходима научная разработка системы факторов, влияющих на постпенитенциарный рецидив, а также механизма их действия. В этой системе факторов можно было бы выделить тот вклад (негативный или позитивный), который вносит в рецидив система исполнения уголовных наказаний.

На третьем этапе следует разработать комплекс мер, направленных на усиление позитивных факторов и ослабление факторов, провоцирующих рост постпенитенциарного рецидива.

В Европейских пенитенциарных (тюремных) правилах (2006 г.) в качестве общеобязательного стандарта требуется от государств, в том числе от России, поощрение сотрудничества пенитенциарных учреждений с внешними социальными службами и, насколько возможно, участие гражданского общества в жизни заключенных. В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года в качестве перспективного направления взаимодействия государства и общества в данной сфере отмечено «содействие реализации общественно-гуманитарных проектов, в рамках которых создаются дополнительные стимулы к законопослушному поведению осужденных и их ресоциализации, в частности, за счет участия общественности в устройстве судьбы осужденного, освобождающегося из мест лишения свободы». Там же предусмотрено обеспечение «участия учреждений и органов УИС... в системе социального партнерства государства, бизнеса, институтов гражданского общества».

Указанные положения обусловили постановку задачи по созданию общественно-государственного партнерства с различными функциями, в том числе для ресоциализации осужденных, предупреждения рецидива после освобождения от отбывания наказания. Начиная с момента принятия Концепции были предприняты определенные шаги для решения данной задачи: налажено сотрудничество с органами местного самоуправления, религиозными конфессиями, бизнес-структурами, благотворительными организациями и фондами. Накоплен большой опыт в таком взаимодействии, свидетельствующий как о достигнутых успехах, так и о постигших неудачах.

Обобщение имеющегося опыта идет преимущественно по регионам (Красноярский край, Республика Башкортостан, Самарская область) либо по субъектам оказания помощи лицам, освобожденным от отбывания наказания. Между тем, учитывая то, что государственные структуры в силу определенных причин (недостаток материальных средств, приоритетность иных задач, стоящих перед госструктурами и т. п.) по-прежнему не могут в полной мере обеспечить ресоциализацию лиц, освобождаемых от уголовного наказания в виде лишения свободы, необходимо предусмотреть в будущей Концепции 20–30 проведение научного исследования, которое обобщило бы накопленный за истекшие десять лет опыт. В рамках этого исследования можно было бы на основе изучения исторического и современного национального опыта, а также зарубежных аналогов наметить перспективные пути развития взаимодействия в сфере ресоциализации осужденных после освобождения от отбывания лишения свободы, осуществляемого:

– между исправительными учреждениями и государственными органами и органами местного самоуправления, призванными обеспечить защиту социально уязвимых категорий граждан;

– исправительными учреждениями и общественными объединениями светского направления (ОНК, правозащитными и благотворительными организациями);

– исправительными учреждениями и религиозными конфессиями;

– исправительными учреждениями и бизнес-структурами и иными работодателями;

– исправительными учреждениями и членами семей осужденных.

В качестве этапов исследования могли бы быть предложены обобщения исторического, зарубежного и современного опыта общественно-государственного партнерства в сфере ресоциализации, анализ международной и национальной правовой основы такого партнерства, определение правовых и организационных проблем (узких мест) партнерства и предложение путей их устранения.

В статье не ставилась задача исчерпывающего описания научных исследований, проведение которых потребуются при реализации концепции развития УИС на предстоящее десятилетие. Несомненно, необходимы усилия науки при решении вопросов о дальнейшей дифференциации мест и условий отбывания наказания в отношении осужденных за различные виды уголовных преступлений, например, осужденных за экономические и должностные преступления. Актуальной остается проблема отбывания пожизненного лишения свободы, особенно в свете рекомендаций европейских правозащитных структур о его коренном реформировании. Представляется необходимым научный анализ проблем глобализации и ее негативного влияния на уголовно-исполнительную систему, в частности в виде продолжающейся десоциализации личности осужденных. Не должна остаться без внимания ученых трансформация международных стандартов обращения с осужденными, особенно в аспекте набирающего в зарубежных странах тренда на «размывание» половой принадлежности людей, в том числе осужденных.

Библиографический список

1. Селиверстов В. И. Концептуальное обеспечение уголовно-исполнительной политики Российской Федерации в современный период // XI Российский конгресс уголовного права на тему «Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики» (МГУ имени М. В. Ломоносова, 31 мая – 1 июня 2018 г.). М., 2018. С. 545–549.

2. Уткин В. А. Концепция модернизации уголовно-исполнительной системы как доктринальный политико-правовой акт // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 210–214.

3. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М., 2017. 328 с.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2019. 320 с.

5. Отбывание лишения свободы осужденными за экономические и (или) должностные преступления: итоги теоретического исследования / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М., 2019. 464 с.

6. Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных : монография / под ред. Т. В. Кленовой. М., 2019. 432 с.

7. Осужденные и содержащиеся под стражей в России: по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г. / под общ. ред. Ю. И. Калинина ; науч. ред. В. И. Селиверстова. М., 2012. 939 с.

8. Кузнецова Т. Глава ОНК Приамурья, назвавшая Цаповяза меценатом, сложила полномочия. URL : https://ria.ru/incidents/20181116/1532913874.html?referrer_block=index_main_6 (дата обращения: 16.11. 2018).

9. Жертва жуликов, негодяйства и предательства: член банды «цапков» объедался крабами на зоне, теперь из него делают героя. URL : https://lenta.ru/articles/2018/11/16/svobody_slave/ (дата обращения: 16.11.2018).

10. Олейник В. ФСИН сообщила, сколько тратят в день на питание одного заключенного. URL : <https://www.metronews.ru/novosti/russia/reviews/fsin-soobschila-skolko-tratyat-v-den-na-pitanie-odnogo-zaklyuchennogo-1367596/> (дата обращения: 30.03.2019).

11. Селиверстов В. И. Уголовная и уголовно-исполнительная политика в сфере исполнения лишения свободы: новации 2015 года // Lex Russica. 2016. № 9. С. 188–205.

12. Городнянская В. В. Постпенитенциарный рецидив : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. 22 с.